

Н.М. Плискевич

старший научный сотрудник, Институт экономики РАН (Москва)

СПЕЦИФИКА РОССИЙСКИХ ИНСТИТУТОВ И ПАТЕРНАЛИЗМ ГОСУДАРСТВА

(Часть 1. Государство в узком и широком смысле)

Аннотация. Современный этап научно-технического развития делает особо значимым фактор соответствия новым задачам институциональной структуры гуманитарного сектора экономики как важнейшего в формировании человеческого капитала, отвечающего не только технологическим, но и социальным потребностям общества. Поэтому возрастает роль институтов государственного патернализма, призванных поддерживать науку, образование, культуру, искусство, здравоохранение. Эти институты как связанные с наиболее передовыми сферами жизни общества, с одной стороны, особо чувствительны ко всем вновь возникающим потребностям. Но с другой стороны, они являются составной частью общей институциональной структуры государства, отдельные элементы которой могут запаздывать в своем развитии и, соответственно, тормозить развитие институтов патерналистской поддержки гуманитарного сектора. Причём все процессы институциональных изменений в России обусловлены не только технологическим рывком последних десятилетий, который, как и в случаях предшествовавших технологических революций, приводит к нарушению техно-гуманитарного баланса развития общества, подрывающему его устойчивость. Значительное влияние на специфику институциональных изменений оказывает и продолжающийся процесс постсоциалистической трансформации, так как длительность существования в рамках системы реального социализма наложила свой отпечаток на особенности общественного развития в таких странах. К тому же сам переход к новой системе для многих граждан носил травмирующий характер. Поэтому анализу эволюции институциональной структуры государственного патернализма предшествует рассмотрение технологических и социальных проблем, вставших перед российским обществом на современном этапе. Не менее важно и определение того, как трактовать государство в современном мире — в узком смысле как систему органов государственной власти, стоящую над обществом, или в широком смысле как сложную систему органически связанных между собой компонентов — власти, экономики и гражданского общества.

Ключевые слова: институциональная система, современное государство, государственный патернализм, постсоциалистическое развитие, Деспотический Левиафан, Отсутствующий Левиафан, Обезданный Левиафан, патрональная автократия, патрональная демократия, субъект социального действия.

JEL: A12, A13, B00, B15, B52

УДК: 303.022, 303.093.3

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_23_36

© Н.М. Плискевич, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Плискевич Н.М. Специфика российских институтов и патернализм государства (Часть 1. Государство в узком и широком смысле) // Вопросы теоретической экономики. 2025. №1. С. 23–36. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_23_36.

FOR CITATION: Pliskevich N. The Specificity of Russian Institutions and State Paternalism (Part 1. The State in the Narrow and Broad senses) // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 1. Pp. 23–36. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_23_36.

Российское общество перед лицом технологических и социальных проблем

Специфика институциональной системы в любом обществе влияет на возможности патерналистской деятельности государства. Особенно остро это проявляется тогда, когда общество оказывается в состоянии турбулентности, источники которой могут быть различны. В современных условиях можно выделить два важнейших из таких источников. Прежде всего, это вступление в новую фазу научно-технического развития, связанную с качественным изменением оказавшихся доступными человеку новых достижений науки и технологий, преобразующих как производственную сферу, так и сферу потребления. Этот этап, как, впрочем, и всякий качественный скачок в технологическом развитии, несёт с собой не только новые возможности и блага для человечества, но и новые, неведомые ранее опасности и риски. Причём риски эти связаны не только с собственно технологической сферой, но и со сферой социальной, так как новый уровень научно-технического развития требует соответствующей ему корректировки социальных отношений, необходимости выработки новых социальных регуляторов для стабилизации различных ситуаций. В концентрированном виде это требование выражено в законе техно-гуманитарного баланса, согласно которому устойчивость развития общества достигается при соответствии в нём уровня культурно-психологической регуляции состоянию имеющегося технологического потенциала [Назаретян, 2017].

Культурно-психологический потенциал общества включает в себя не только (и не столько) инструментальные знания, необходимые для работы с новыми механизмами и технологиями, но и возрастающий уровень общегуманитарной культуры. Его соответствие новым условиям требует и изменений в механизмах социальной регуляции, в том числе и институциональной структуры общества, которую необходимо корректировать в связи с требованиями произошедших технологических изменений. Если социокультурный компонент не поспевает за технологическими инновациями, то это ведёт к нарушению устойчивости общества. По сути, постоянно возникающие в современном мире очаги напряжения свидетельствуют о нарушении техно-гуманитарного баланса, о том, что пока не удаётся выработать новые механизмы социальной регуляции, способные вернуть человечество в состояние устойчивости. То есть проблему согласованности различных компонентов социального развития можно признать ключевой проблемой устойчивости общества, и её решение невозможно без корректировки патерналистской политики государства с учётом как вновь открывающихся возможностей, так и возникающих новых напряжений.

Если выведенный философами закон техно-гуманитарного баланса можно трактовать как включающий в себя и институциональный компонент социальной организации, как элемент его культуры в широком смысле слова, то учёные, специально занимающиеся исследованием институциональной среды, особо выделяют его, превращая диаду техно-гуманитарного баланса в триаду «технологии — институты — культура». При этом подчёркивается, что нарушения в согласованности этих трёх компонентов ведут не только к замедлению экономического роста, но и к деградации всей социальной системы [Балацкий, 2021]¹.

Эта проблема согласованности (равно как и техно-гуманитарного баланса) с особой остротой встаёт в обществах, совершающих переход от одного типа развития к другому.

¹ Важно, что тезис о влиянии принципа согласованности на уровень экономического развития был проверен на основе экономико-математических методов. В результате анализа экономического развития 154 стран мира в 2012–2019 гг. выяснилось, что в странах с высоким уровнем среднедушевого дохода и частично там, где он выше среднего, соблюдение указанного принципа согласованности подтверждалось. Напротив, в странах со среднедушевым доходом ниже среднего и низким фиксировалось его нарушение [Balatsky, Yurevich, 2022].

В середине XX в. её обострение наблюдалось в странах, освободившихся от колониальной зависимости (см., например: [Eisenstadt, 1973; Eisenstadt, 2003; Эйзенштадт, 2010]). На рубеже XX и XXI вв. с ней столкнулись постсоциалистические страны. И их специфические трудности, связанные со сменой социального устройства общества, наложились на глобальные проблемы качественного технологического преобразования, затронувшие всё человечество. Сам процесс перехода от административно-командной экономики и политического авторитаризма к экономике рыночной и демократической форме организации общественно-политической жизни невозможно ограничивать лишь политической декларацией. Особой проблемой становится и процесс переноса из стран, принимаемых за образцы, функционирующих в них формальных институтов без учёта того, что их современное состояние — результат длительной эволюции, которая принимающими странами не была пройдена.

Практика прошедших десятилетий показала, что путь постсоциалистической трансформации гораздо сложнее и требует длительных глубоких преобразований всей институциональной структуры общества, включая и неформальные отношения, нередко связанные не с культурными традициями, а с выработанными в социалистический период способами выживания. Не случайно в ходе многолетних исследований Р. Инглхарт и К. Вельцель отмечали особую роль в ценностном мире населения постсоциалистических стран именно ценности выживания [Инглхарт, Вельцель, 2011. С. 99]. И процесс избавления от этого наследия может растянуться не на одно десятилетие, особенно в случаях смен «векторов развития», осуществляемых с приходом к власти тех или иных «промежуточных выгодоприобретателей» [Hellman, 1998], пытающихся законсервировать процесс эволюции общественного переустройства в выгодной для них точке или даже осуществить регрессивное движение. Свою роль играет и длительность предшествующего периода развития по социалистическому пути.

Б. Мадьяр и Б. Мадлович предложили свою концептуальную схему постсоциалистических преобразований, предлагающую не линейное движение из начальной «социалистической / коммунистической» точки к достижению в качестве желаемого состояния рыночно-демократического устройства социальной и экономической жизни, а сложное нелинейное движение, предполагающее разнообразные возможности и варианты развития. Они полагают, что процессы эволюции от авторитарного к демократическому устройству в странах, переживших социалистический этап развития, существенно отличаются от процессов эволюционного развития в тех государствах, где такого этапа не было. По их мнению, причины тому — две ключевые черты жизни в условиях коммунистических диктатур: однопартийная система и государственная монополия на собственность на средства производства. Они существенно повлияли на формирование всей социальной структуры общества, а также отразились на общей культуре мышления значительной части населения этих стран. Были не только «обновлены» основные социальные структуры досоциалистического периода, не только стали восстанавливаться уже размывавшиеся старые феодальные порядки как системы связки «власть–собственность», но произошло дальнейшее слияние сфер социального действия, включившее в эту связку и общественную (communal) сферу. Такое стремление к слиянию всех сфер социального действия было характерно для всех социалистических стран, относящихся к различным типам цивилизации. В результате ««колпак» коммунизма “повернул вспять” разделение сфер социального действия в западно-христианском историческом регионе и полностью остановил этот процесс в православном регионе. В Китае и в исламском историческом регионе установление коммунистических диктатур означало, что отсутствие разделения сфер приобрело новые формы» [Мадьяр, Мадлович, 2022. Т.1. С. 111–112].

Этот фактор отсутствия разделения сфер социального действия — политической, экономической и общественной — весьма важен при анализе процессов постсоциалисти-

ческой трансформации в разных странах, оценки возможностей использования при этом институтов, хорошо зарекомендовавших себя в развитых странах. Ибо такой институт, привнесённый из среды, в которой большинство акторов неформально придерживаются взглядов о необходимости разделения сфер социального действия, в среду, где для основной массы акторов органично представление о смешении или слиянии этих сфер как о норме жизни, претерпевает грубые искажения, извращающие саму суть института.

Мадьяр и Мадлович отвергли господствующую концепцию построения эволюции социального развития как движения в рамках некоего вектора, направленного от диктатуры к демократии. Согласно этой концепции, и в зависимости от того, на каком расстоянии от двух полюсов вектора находится то или иное общество, можно говорить о его гибридности с преобладанием одного или другого из двух начал. Однако такой подход не может дать объяснения массе отклонений от прямого пути, его зигзагов, откатов назад и иных, не предвиденных в начале пути вариантов движения. Не учитывает концепция гибридности и той амбивалентности и общественного, и индивидуального сознания, которая присуща постсоциалистическому обществу, но утвердилась как раз в социалистический период. Многие явления, составляющие важную часть его функционирования, причём именно как нормы жизни, трактуются там и как положительные, позволяющие более эффективно решать производственные или бытовые вопросы, и как отрицательные, нарушающие законодательство, формальные правила, способствующие росту неравенства и т.п. [*Российская коррупция...*, 2013; *Бондаренко, Гудков, Красильникова*, 2013; *Барсукова, Леденева*, 2014; *Ledeneva*, 2013]. А. Леденева, изучавшая эту сторону проблемы, в предисловии к книге Мадьяра и Мадловича особо акцентирует внимание на данном факте: «...гибридные режимы являются таковыми только с точки зрения стороннего наблюдателя, который предпочитает упаковывать ускользающую от понимания амбивалентность в обёртку гибридности... Но в представлении самих участников в этих режимах нет ничего гибридного. Есть явные и скрытые практики, сложное переплетение правил и норм, различные категории, описывающие столкновение интересов, однако единое понятие, ясно описывающее такой режим, всегда остаётся недостижимым» [*Леденева*, 2022. С. 13].

Б. Мадьяр и Б. Мадлович пытаются описать эту сложность, причём разворачивающуюся в динамике. Пути постсоциалистической эволюции разных стран они поместили в некий равнобедренный треугольник, заключающий в себе разнообразные возможности и варианты развития (рис. 1). Вершины этого треугольника символизируют три наиболее явные полюса социально-экономического состояния общества — *коммунистическую диктатуру* со слиянием политики и экономики в единую бюрократическую патрональную сеть; *патрональную автократию*, т.е. режим с преобладанием однопирамидальной патрональной сети, подавляющей плюрализм и поддерживающий неограниченную власть верховного патрона, неформальные институты здесь по сути преобладают; *либеральную демократию*, основанную на плюрализме политической власти и преобладании формальных институтов. Эти три полюса дополняются тремя промежуточными состояниями, которые в сконструированном Мадьяром и Мадловичем треугольном концептуальном пространстве посткоммунистических режимов представляются как стороны треугольника и символизируют: *консервативную автократию*, при которой патрональность охватывает политическую сферу, но не затрагивает экономическую (сторона треугольника между вершинами коммунистической диктатуры и либеральной демократии); *патрональную демократию*, основанную на плюралистической конкуренции патрон-клиентских сетей со значительной ролью неформальных институтов (сторона треугольника между патрональной автократией и либеральной демократией); *диктатуру с использованием рынка* (сторона треугольника между вершинами коммунистической диктатуры и патрональной автократии) [*Мадьяр, Мадлович*, 2022. Т.2. С. 545–554].

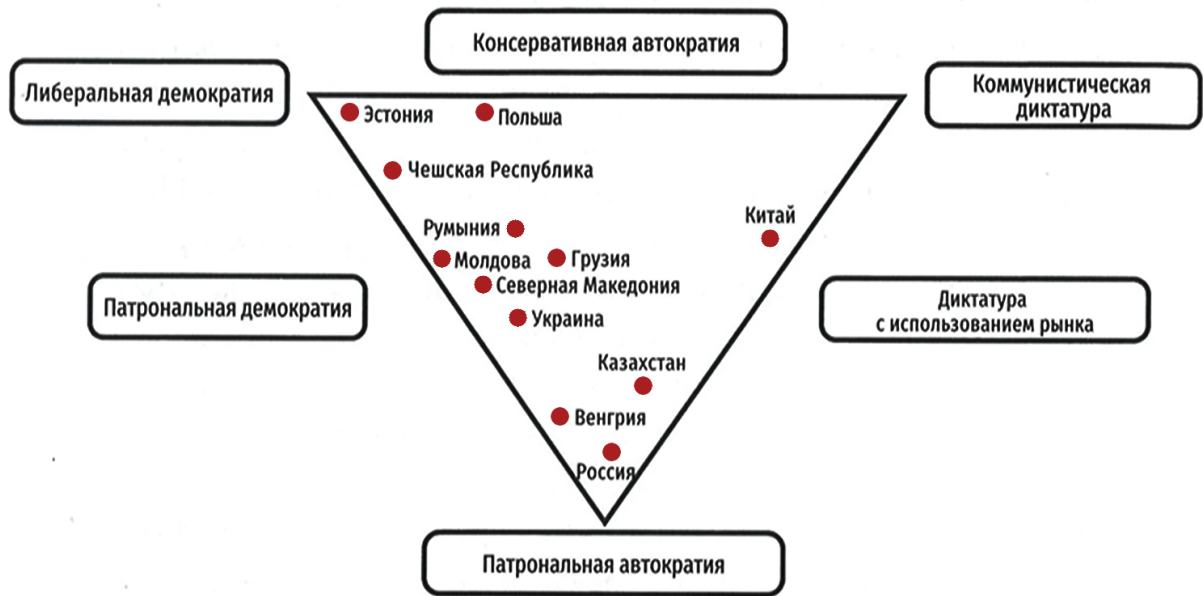

Рис. 1. Концептуальное пространство постсоциалистических режимов с 6 идеальными типами и 12 примерами расположения в нем стран (по состоянию на 2019 г.)
 Источник: Мадьяр Б., Мадлович Б. (2022). Посткоммунистические режимы. Концептуальная структура. В 2 т. — М.: Новое литературное обозрение. Т. 1. С. 48.

Мадьяр и Мадлович поместили в выстроенном треугольном пространстве более десяти исследуемых ими постсоциалистических стран. Подавляющее их большинство (за исключением Китая), примыкающего к стороне треугольника, обозначенного как «диктатура с использованием рынка», концентрируется вдоль стороны, обозначенной как «патрональная демократия», в той или иной близости как к самой этой стороне, так и к ограничивающим её вершинам треугольника — «либеральной демократии» и «патрональной автократии». В пространстве треугольника венгерские учёные выделяют и сферы господства формальных институтов (область между «либеральной демократией», «консервативной автократией» и «коммунистической диктатурой»), полуформальных институтов (между центральными частями сторон «патрональной демократии» и «диктатуры с использованием рынка») и с превалированием неформальных институтов (тяготеющая к вершине треугольника «патрональной автократии») [Мадьяр, Мадлович, 2022. Т. 2. С. 557].

Были также смоделированы траектории движения разных стран в обозначенном треугольнике, наблюдавшиеся в процессе трансформации, начиная с времён господства в них социалистической системы и кончая последними годами 2010-х. Будучи графически представлены в рамках концептуального треугольника, эти траектории демонстрируют, сколь труден, противоречив и отнюдь не прямолинеен был путь каждой страны на исследуемом отрезке времени. Это позволяет предположить и то, как много зигзагов, прорывов вперёд и откатов назад, помимо уже совершённых, могут ждать каждую из постсоциалистических стран на дальнейшем пути её развития [Мадьяр, Мадлович, 2022. Т.2. С. 569–643]. Обращает на себя внимание то, что все фиксируемые венгерскими исследователями зигзаги и даже «режимные петли», совершаемые той или иной страной в ходе её постсоциалистических преобразований, связаны прежде всего с событиями, затрагивающими самую суть её государственного устройства.

Нельзя забывать и то, что все эти события отражаются на судьбах людей, оказавшихся в их водовороте. И они несут не только положительные изменения, но очень часто серьёзные разочарования, потерю достойного ранее материального положения, а также социального статуса. Это обусловлено тем, что сам факт перехода на новую траекторию

развития означает нарушения в действии старой системы институтов, обеспечивавших функционирование общества, но при этом новые институты не могут возникнуть мгновенно, тем более начать исправно функционировать. Для этого требуется время. Но в такой период происходят разрывы культурного и социального воспроизводства, возникают дефициты регуляции необходимых для нормального функционирования общества отношений. Они влекут за собой «нарастающую девальвацию культивируемых ранее форм социального поведения» и даже «варваризацию» высших уровней нового общества» [Гудков, 2009. С. 10].

Такая неоднозначность, разнонаправленность и болезненность для большинства населения постсоциалистических изменений позволила П. Штомпке уже на рубеже 1990–2000-х гг. говорить о них как о травмирующих [Штомпка, 2001]. Ж.Т. Тощенко развил идеи о социальной травме, опираясь прежде всего на российский материал. В специально посвящённой этой теме монографии он отмечает, что наша страна «олицетворяет собой травмированное общество, которому присущи взаимоисключающие ориентации и установки» и что «путь, по которому продвигается современная Россия, следует назвать путём, обусловленным социальной травмой в её развитии» [Тощенко, 2020. С. 11].

Идеи Ж.Т. Тощенко поддержал и Н.И. Лапин, включивший в свой анализ понятие антропосоциокультурной травмы как значительного нарушения или разрушения «сложившихся, позитивно воспринимаемых большим числом жителей страны социальных и/или культурных условий их взаимодействий или всей жизнедеятельности, которое болезненно воспринимается, снижает жизненную энергию взаимодействующих масс людей, обесценивает их идентичность, повышает неудовлетворённость жизнью в целом и готовность к протестным действиям». При этом «нарушение/разрушение может иметь разное предметное содержание, быть резким или постепенным, кратким или продолжительным» [Лапин, 2021. С. 102]. Лапин показывает, что присущие российской культуре противоположные «смыслы–векторы», сложившиеся в ходе исторического развития, привели к тому, что в стране возникла «глубоко противоречивая культура населения: **цивилизационно-собирающая** (здесь и далее выделено Н.И. Лапиным. — Н.П.), но одновременно **рутинно-симбиозная**; в итоге — *симбиозно-травмогенная*. Исторически следствиями этих противоречий стали как *антропосоциокультурные травмы–беды* русского, а затем многонационального российского народа, так и *антропосоциокультурные подьёмы его консолидации* в условиях опасности для его независимого существования. Травмогенность рутинной, собирающе-симбиозной культуры приобрела *регулярный характер*, стала способом сохранения власти-благополучия правящих элит» [Лапин, 2021. С. 112].

В этих условиях особенно важно, чтобы общество и государство в своих взаимоотношениях стремились не допускать травмогенных действий. Поэтому представляется, что, прежде чем приступить к анализу влияния специфики отечественных институтов на особенности патернализма государства, имеет смысл рассмотреть, насколько само государство, равно как и представления о нём, соответствует сложности современного этапа развития, а значит, насколько оно способно выполнять свои патерналистские функции.

Государство как современный институт

В рассуждениях о сути государства нередко упускается тот факт, что оно есть порождение общества, особая его часть, выделенная из всего многообразия присущих обществу связей, сетей, взаимодействий. Это та часть, которая наделена властными полномочиями, в том числе монополией на насилие, для наиболее эффективного выполнения функций поддержания порядка на всей территории, занимаемой данным обществом, равно как и для защиты этой территории от вмешательства посторонних сил. Однако само такое

выделение властных полномочий в совокупности с созданием необходимых для выполнения этой функции инструментов и институтов естественно привело к их обособлению, возвышению над другими инструментами и институтами, образующими общественное устройство. В сознании людей государство как бы отделилось от общества, встало над ним.

Это нашло своё воплощение в аллегорическом представлении государства Т. Гоббсом как Левиафана, которое, в свою очередь, у философов и экономистов, в том числе и либерального направления, за несколько веков вроде бы проделало значительную эволюцию. Однако А.Я. Рубинштейн отмечает, что понятийная эволюция этого термина по сути претерпела мало изменений: «От старого тезиса “чем меньше государства, тем лучше для экономики” до сравнительно новой концепции “стройного государства” сохраняется общая доминанта, в соответствии с которой государственное регулирование получило негативный оттенок интервенционизма, а само государство дорегулировалось до титула “вынужденного зла”. И между нуждой в порядке и злом от него продолжают искать своё иллюзорное счастье многие экономисты» [Рубинштейн, 2008. С. 17]. Эти поиски, как правило, ведутся между двумя позициями — большое государство, охватывающее своим регулированием значительную часть социальных процессов, или маленькое государство, которое свело свою регулируемую функцию к минимуму. Между тем, как справедливо отмечает Рубинштейн, суть проблемы взаимоотношений общества и государства лежит в другой плоскости: «Рациональным может быть поведение государства, а не его размеры... Дело не в форме и внешнем облике, а в содержании, не в количестве функций и объёме полномочий, а в направленности государственной активности и её соответствии целевым установкам общества» [Там же. С. 17–18].

С близкой точки зрения на метафору Левиафана относительно недавно взглянули такие видные экономисты-институционалисты, лауреаты Нобелевской премии по экономике 2024 г., как Д.Аджемоглу и Дж.Робинсон. В какой-то степени их книгу «Узкий коридор» [Аджемоглу, Робинсон, 2021] можно считать ответом на критику их предыдущей монографии о том, почему одни страны богаты, а другие бедны [Аджемоглу, Робинсон, 2016] со стороны исследователей ценностного мира населения различных стран, прежде всего К. Вельцеля и Р. Инглхарта [Вельцель, 2017; Инглхарт, 2018]². Если Аджемоглу и Робинсон в книге «Почему одни страны богатые, а другие бедные» декларировали, что ведущим элементом создания конструкции эффективного государства являются институты, то их оппоненты эту роль отводили культуре, и прежде всего развитию ценностного мира людей. Например, К. Вельцель прямо утверждал, что институты — результат, а не причина развития, что «ориентация на институциональные аспекты цивилизации — это, скорее, фокусировка внимания на симптомах. Такой подход отвлекает нас от ключевой темы — духа законов. Главная характеристика нового типа общества — это его дух, эмансипативный по своей сути, это идея освобождения ищущих счастья людей от догм и тирании, и фокусирования усилий правительства на благосостоянии обычных людей» [Вельцель, 2017. С. 365–366].

Разумеется, абсолютизация лишь одного из двух подходов — будь то институционалистского или ценностного — не может дать объёмной картины проблемы социально-

² Нельзя не отметить, что новая книга (2023 г.) Д. Аджемоглу, написанная в соавторстве с ещё одним нобелиатом по экономике 2024 г. С. Джонсоном, «Власть и прогресс» продолжает начатую в «Узком коридоре» линию анализа с концентрацией внимания на ценностных аспектах социально-экономического развития. В ней особо подчёркивается, что в современную эпоху цифровой революции нельзя с прежних позиций подходить к экономическим проблемам. Это пагубно скажется на «направлении развития технологий». Успешность развития, по их мнению, невозможна без «изменения нарратива и ценностей». И «обсуждение новых технологий должно сосредоточиться не на совершенстве продуктов и алгоритмов, а на вопросе, помогают они людям или вредят» [Аджемоглу, Джонсон, 2024. С. 499–500]. «Мощный новый нарратив о всеобщем благосостоянии может стать противовесом, который повлияет на приоритеты некоторых менеджеров и даже, возможно, сможет изменить парадигму, господствующую в бизнес-школах» [Там же. С. 501].

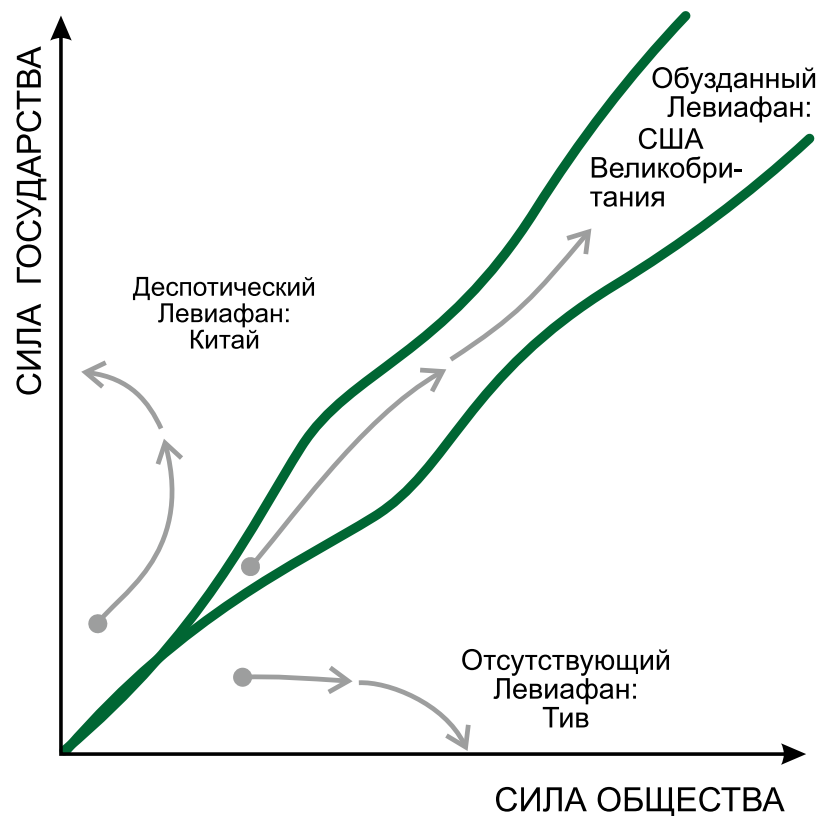

Рис. 2. Эволюция Деспотического, Обузданного и Отсутствующего Левиафанов
 Источник: Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Узкий коридор: Государства, общества и судьба свободы. — М.: АСТ, 2021. С. 104.

экономического развития вообще и роли в нём государственных структур в частности³. В книге об узком коридоре Аджемоглу и Робинсон скорректировали свою позицию, показывая на многочисленных примерах значение фактора культуры в деле построения эффективного государства, а также то, как успехи в его построении не раз обрывались резким разрушением позитивных процессов⁴. По сути, внутри метафоры Левиафана Аджемоглу и Робинсон выстроили достаточно простую конструкцию, включающую объяснение процессов исторического развития самых разных стран с их резкими прорывами вперёд и откатами назад, связанными и с особенностями взаимодействия в каждом конкретном случае властных элит и широких масс. Их рассуждения подводят к мысли о важности в процессе развития фактора взаимодействия общества и власти на основе примата демократических институтов для создания государства всеобщего благосостояния.

Для этого метафора Левиафана приобрела у них несколько ипостасей. Аджемоглу и Робинсон, в частности, отмечают, что важнейший изъян в метафоре Гоббса «заключается в предположении, что у Левиафана лишь одно лицо» [Аджемоглу, Робинсон, 2021. С. 38]. Сами же Аджемоглу и Робинсон выделили нескольких Левиафанов (рис. 2): *Деспотического Левиафана* (тоталитарное или авторитарное государство), *Отсутствующего Левиафана* (слабое, рыхлое государство и сильные анархические тенденции в обществе) и *Обузданного Левиафана* (государство с системой сдержек и противовесов в отношениях властных структур и общества). Особо подчёркивается, что для Деспотического Левиафана характерно то, что он «не оставляет обществу и рядовым гражданам никаких средств, которые могли бы

³ См. об этом, в частности: [Полтерович, 2018a].

⁴ О слабых сторонах этой теории см., в частности, [Балацкий, 2023]. Они связаны, по сути, всё же с приверженностью авторов монокаузальной (институциональной) позиции. Во многом привлечение ими культурно-ценностного компонента оказывается недостаточно для перехода к многоаспектной теории социального развития, о чём пишет В.М. Полтерович [Полтерович, 2018b].

сдержат его мощь и ограничить его всевластие», он «создаёт мощное государство, но затем использует его для доминирования над обществом» [Аджемоглу, Робинсон, 2021. С. 38–39].

Обузванный же Левиафан, хотя на ранних этапах развития цивилизации и походил на Отсутствующего Левиафана с его неконтролируемым насилием, но на современном этапе он «может справедливо разрешать огромное количество конфликтов, обеспечивать исполнение сложных законов и предоставлять общественные услуги, которые нужны гражданам и которыми граждане пользуются. Этот Левиафан располагает большим и эффективным бюрократическим аппаратом... и владеет большим объёмом информации о том, что делают и к чему стремятся его граждане» [Аджемоглу, Робинсон, 2021. С. 51].

По сути, разные ипостаси Левиафана у Аджемоглу и Робинсона обусловлены приматом разных форм взаимодействия внутри общества. Деспотическому Левиафану присуща развитость вертикальных взаимодействий, прежде всего по линии «власть — общество», высокая степень концентрации государственной власти и подавление неконтролируемых инициатив, идущих «снизу». Этому противостоит развитость горизонтальных взаимодействий — сильная сторона самоорганизации общества как в экономической, рыночной, сфере, так и в других областях общественной жизни. Если властно-вертикальные связи оказываются способными подавить слабые горизонтальные взаимодействия социальных сетей, то формируется система Деспотического Левиафана. Если же, наоборот, властно-вертикальные связи по каким-то причинам ослабли, то на их место приходят процессы горизонтальной самоорганизации. В случае подавления ими вертикально организованных связей наступает та или иная степень анархии, характерная для Отсутствующего Левиафана.

Такое чрезмерное подавление идущих от властных структур вертикальных связей, чреватое анархией, крайне опасно для нормального функционирования всего общественного устройства, неприемлемо и для либерализма при всём его акцентировании внимания на свободе личности и развитии форм самоорганизации. Так, М. Фридман специально подчёркивал: «Государство, которое поддерживает законорядок, определяет права собственности, служит нам средством модификации прав собственности и других правил экономической игры, выносит третейские решения по поводу толкования этих правил, обеспечивает соблюдение контрактов, благоприятствует конкуренции, обеспечивает кредитно-денежную систему, противодействует техническим монополиям и преодолевает “внешние эффекты” (достаточно важные, по общему мнению, для того, чтобы оправдать государственное вмешательство), выступает в качестве дополнительной силы по отношению к частной благотворительности и семье в деле защиты недееспособных (будь то умалишённые или дети) — такое государство, несомненно, выполняет важные функции. Последовательный либерал не является анархистом» [Фридман, 2006. С. 59–60].

То есть и классик современного либерализма, по сути, склоняется к той форме существования общества, которая у Аджемоглу и Робинсона получила определение «Обузванный Левиафан». Он предстаёт как наиболее благоприятная для общества форма его развития и экономического роста, баланса между горизонтальными и вертикальными связями (или, по крайней мере, он стремится к установлению этого баланса). Причём подчёркивается, что успех в деле достижения такого баланса возможен лишь тогда, когда обе стороны процесса — и властно-государственные структуры, и совокупность самоорганизующихся и самоуправляемых структур, объединяющая индивидов в некое общественное целое, — достаточно сильны, чтобы не дать противоположной стороне занять монопольную позицию лидерства. Главное — чтобы принципом развития было постоянное поддержание консенсусного status quo между ними.

Достичь состояния Обузданного Левиафана, очерченного Аджемоглу и Робинсоном, нелегко. Поэтому само положение Обузданного Левиафана в нарисованном ими условном пространстве, где на оси абсцисс фиксируются показатели силы общества, а на оси орди-

нат — показатели силы государства (власти), выглядит как достаточно узкое пространство между двумя господствующими Левиафанами — Деспотическим и Отсутствующим. Сама узость этого коридора, по Аджемоглу и Робинсону, свидетельствует о необходимости приложения серьёзных усилий, чтобы при каких-либо экстраординарных ситуациях не сорваться из него в сторону либо автократии или тирании, либо анархии и безвластия. Требуется напряжение сил всех участников процесса как для того, чтобы попасть в этот коридор из первых двух позиций, так и для того, чтобы удержаться в нём, вновь оказавшись в итоге в одной из них. Акцент в анализе делается на структурных факторах развития обществ, соотношении в них активности элит и масс, хотя и отмечается, что эти факторы «не создают прочной предрасположенности к одному типу экономического, политического или социального шаблона. Они, скорее, порождают “условные эффекты”» [Аджемоглу, Робинсон, 2021. С. 370]. То есть их последствия оказываются различными в зависимости от складывающегося в разные периоды баланса сил между государством и обществом.

Сама картина постоянного движения между ситуациями разных Левиафанов свидетельствует, что в её основе лежит сложный процесс социокультурной эволюции различных сообществ, идущий на протяжении всей истории человечества и по сути устремлённый в бесконечность, так как на каждом этапе своего развития человечество сталкивается со все новыми и новыми вызовами и технологического, и природного, и социального характера⁵. В связи с этим Аджемоглу и Робинсон отмечают ещё одно упущение Гоббса, из-за которого он не смог выделить различные лики своего Левиафана: «Проблема в обществах, где Левиафан отсутствует, заключается не только в неконтролируемом насилии “всех против всех и каждого против каждого”. Столь же существенную роль играет и клетка норм⁶, задающая жёсткие границы общественных ожиданий и устанавливающая неравноправные социальные отношения, которые выливаются в иную, чем при деспотизме Левиафана, но не менее тяжёлую форму доминирования» [Аджемоглу, Робинсон, 2021. С. 47]. Возможность избежать одного и другого деспотизма критически зависит от степени развитости как государственных институтов, так и общества, его культуры: «Нам необходимо государство, которое способно обеспечивать исполнение законов, контролировать насилие, разрешать конфликты и предоставлять общественные услуги — но при этом усмирённое, находящееся под контролем уверенного в своих силах и хорошо организованного общества» [Там же. С. 47].

По сути, здесь Аджемоглу и Робинсон предлагают характеристику Обузданного Левиафана как современного демократического общества с его развитой системой сдержек и противовесов, многообразием интересов и устремлений всех участников общественной жизни, которые не подавляются, а имеют возможность (как экономическую, так и политическую) находить своё место, расширяя тем самым многообразие форм общего существования. Эту систему взаимных ограничений, само функционирование которой предполагает постоянное развитие всех участников процессов, их напряжённые усилия по поддержанию социального баланса Аджемоглу и Робинсон иллюстрируют, вводя в анализ образ Красной

⁵ В частности, у Аджемоглу и Джонсона сегодня особое беспокойство вызывают тенденции монополизации в сфере цифрового бизнеса. Здесь они видят опасность, аналогичную той, с которой столкнулся мир на рубеже XIX и XX вв. и с которой тогда удалось справиться с введением антимонопольного законодательства. И в современных условиях, по их мнению, невозможно справиться с этой угрозой и «придать технологиям новое направление, не выстроив заново противодействующие силы» [Аджемоглу, Джонсон, 2024. С. 503]. В качестве таковых они видят развитие разнообразных гражданских структур, организаций коллективного действия, а также инициативы государства в перенаправлении технологических изменений с тем, чтобы «выделить разновидности технологий, имеющие социально благоприятные последствия» [Там же. С. 522].

⁶ Под «клеткой норм» авторы понимают выработанную в обществе совокупность традиций и принципов поведения, признаваемую как массами, так и элитами и включающую для обоих социокультурный запрет на действия, грозящие разрушением общества.

королевы из «Алисы в стране чудес»⁷ как символ необходимости постоянного бега для того, чтобы хотя бы оставаться на месте. То есть концепцию Гоббса Аджемоглу и Робинсон дополняют современными представлениями о процессах социальной эволюции, которые, например, достаточно подробно представлены в теоретическом наследии Ф. фон Хайека.

Анализирующий его работы Р.И. Капелюшников выделяет, в частности, у Хайека «концепции-близнецы» — «социального порядка» и «культурной эволюции», объединённые идеей спонтанности в процессах самоорганизации и саморегулирования социальных институтов, в которых действуют принципы и индивидуального, и группового отбора наиболее приемлемых институтов, правил и норм. Причём у Хайека «переход от концепции спонтанного порядка к концепции культурной эволюции сопровождается... своего рода объяснительной инверсией: если в первой в качестве причины выступают правила индивидуального поведения, а в качестве следствия — формирующийся благодаря им социальный порядок, то во второй они меняются местами, когда конкуренция между альтернативными социальными порядками начинает определять, какие наборы правил поведения будут выживать и воспроизводиться, а какие отбраковываться и переставать существовать. В его понимании целостная социальная теория должна включать оба эти элемента и учитывать оба направления каузальности» [Капелюшников, 2023. С. 20].

Такой подход к процессу культурной эволюции — дополнительное доказательство того, что либеральная теория предлагает отнюдь не господство стихийного развития, а сложный отбор альтернативных вариантов на каждом его этапе. В результате этого отбора отбраковываются варианты, не соответствующие основному вектору развития. При этом Хайек учитывает и возможности противостоящих этому вектору сил, представленных теми, чьи интересы (реально или по их представлениям) окажутся в итоге ущемлёнными, особенно если эти силы обладают достаточной властью: «если некоторые действия станут направляться другой силой, которая стремится к иным целям и учитывает иные знания, ... баланс неизбежно будет разрушен» [Хайек, 2024. С. 69]. Такие рассогласования нередки и в ходе поступательного эволюционного развития, но особо опасны они в ситуации кардинальной смены вектора развития, примером которой может служить процесс постсоциалистической трансформации. В его ходе, как показывает практика последних десятилетий и как было отмечено выше, особую опасность представляют группы «промежуточных выгодоприобретателей», стремящихся либо законсервировать процесс в выгодной им точке, либо даже повернуть ход преобразований вспять.

Представляется важным дополнить вышеизложенное рядом идей Ф. фон Хайека, чтобы уточнить, в чём суть современного государства и что входит в понятие «государственный патернализм». Прежде всего, как только мы начинаем рассуждать о различных Левиафанах, сразу становится очевидным, что они отнюдь не сводятся к рассмотрению действий исключительно властных структур. Речь идет о многоплановом взаимодействии всего комплекса общественных механизмов, в состав которых как органическая составная часть входят и властные структуры. Но нередко как раз к данной части целостного организма сводится понятие «государство». Хайек видит причину этого в частом смешении двух функций государства: «Ожидается, что та же организация, на которую возложено поддержание в порядке действующей структуры, используемой индивидуумами для решения собственных задач, будет не только принуждать к соблюдению правил, на которых покоится порядок, но и предоставлять иные услуги, которые не может удовлетворительным образом оказывать стихийный порядок. Обычно между этими двумя функциями правительства не проводится чёткого различия, но разница между функцией принуждения... и функцией предоставления услуг, когда правительство просто управляет ресурсами, переданными ему в управление, чрезвычайно важна. Во втором случае оно представляет собой одну

⁷ В русских переводах она фигурирует как Чёрная королева.

из многих организаций и, подобно всем остальным, является частью всеохватывающего стихийного порядка, а в первом — оно обеспечивает сохранение условий, необходимых для поддержания этого всеобъемлющего порядка» [Хайек, 2024. С. 66].

Такое сужение понятия «государство», полагает Хайек, вытекает из принятого в англоязычной литературе различия между «обществом» (society) и «правительством» (government) и того, что при обсуждении многих отмеченных функций обычно используется «метафизически нагруженный термин “государство (state)”», хотя во многих случаях уместнее было бы говорить о «правительстве» [Хайек, 2024. С. 66]. Суть дела же, по Хайеку, заключается в том, что «государство есть организация, созданная живущими на одной территории людьми в целях единообразного управления. Оно является необходимым условием развития передового общества, но ни в коем случае не тождественно самому обществу... В свободном обществе государство — одна из многих организаций, необходимых лишь для того, чтобы обеспечить внешние рамки, в которых зарождается и существует стихийный порядок» [Хайек, 2024. С. 461]. Причём важно, что общество это совокупность множества разнообразных организаций, спонтанно развивающихся связей между индивидами. «Общество создаёт, государство создаётся»⁸ [Там же].

Развитием взглядов Хайека на социальный порядок как конструкцию, имеющую целью постоянное согласование действий множества участников, преследующих различные цели, можно считать и определение, предложенное Рубинштейном: «Государство представляет собой социальную целостность, созданную национальной или многонациональной общностью на определённой территории и функционирующую в форме метасистемы “политическая власть — экономика — гражданское общество”» [Рубинштейн, 2024b. С. 197]. Он трактует государство как социальную целостность, созданную национальной или многонациональной общностью на определённой территории, которая предполагает «уравновешивание» элементов указанной метасистемы. То есть данный подход предполагает расширительное толкование государства. По сути, он перекликается с концепцией разных Левиафанов, среди которых Обузванный Левиафан предстаёт как олицетворение взаимодействия власти и общества, способного в лице своих и экономических, и гражданских структур контролировать властные структуры и противодействовать их попыткам бесконтрольного доминирования.

Рубинштейн акцентирует внимание на важности развития различных форм сотрудничества (причём именно сотрудничества, а не отношений господства и подчинения) самоорганизующихся институтов с органами власти. При этом он подчёркивает, что в условиях «неразвитой демократии это сотрудничество трансформируется часто в противостояние, что, строго говоря, не соответствует природе самоорганизующихся структур и происходит зачастую не по их инициативе» [Рубинштейн, 2024b. С. 197]. (См. также: [Рубинштейн, 2024a. С. 388–389]). Представляется, именно такой подход к государству как к органическому единству трёх указанных компонентов в рамках метасистемы наиболее органичен для анализа проблем государственного патернализма. Но это тема следующей статьи.

⁸ Правда, необходимо уточнить этот тезис Хайека: такая последовательность характерна прежде всего для западных обществ. В России исторически было иначе. Э.Дюркгейм в 1902 г. констатировал, что если у западных порядков государство было скорее следствием спонтанного развития общества и исторически этот процесс развивался «снизу вверх», то в России всё происходило противоположным образом: государство организовалось до общества и государство общество организовывало (см.: [Гофман, 1991]).

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Аджемоглу Д., Джонсон С. (2024). *Власть и прогресс: наша тысячелетняя борьба за технологии и процветание*. [Acemoglu D., Johnson S. (2024). *Power and progress: our thousand-year struggle over technology and prosperity*]. — М.: АСТ.
- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2016). *Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты*. [Acemoglu D., Robinson J. (2016). *Why Nations Fail, The origins of Power, Prosperity and Poverty*]. — М.: АСТ.
- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2021). *Узкий коридор: Государства, общества и судьба свободы* [Acemoglu D., Robinson J. (2021). *The narrow corridor: States, Societies, and the Fate of Liberty*]. — М.: АСТ.
- Балацкий Е.В. (2021). Принцип согласованности в теории социального развития [Balatskiy Ye.V. (2021). The principle of consistency in the theory of social development] // *Terra Economicus*. Т. 19. № 1. С. 36–52. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-1-36-52.
- Балацкий Е.В. (2023). Концепция «узкого коридора»: история и современность [Balatsky, E.V. (2023). The Narrow Corridor Concept: History and Modernity] // *Мир России*. № 3. С. 180–195. DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-3-180-195.
- Барсукова С., Леденева А. (2014). От глобальной коррупционной парадигмы к изучению неформальных практик: различия в подходах лидеров и аутсайдеров [Barsukova S., Ledeneva A. (2014). From the global corruption paradigm to the study of informal practices: differences in the approaches of leaders and outsiders] // *Вопросы экономики*. №2. С. 118–132.
- Бондаренко Н., Гудков Д., Красильникова М. (2013). Социальная природа коррупции [Bondarenko N., Gudkov D., Krasilnikova M. (2013). Social nature of corruption] // *Вестник общественного мнения*. № 3–4. С. 91–110.
- Вельцель К. (2017). *Рождение свободы* [Welzel C. (2017). *Freedom rising. Human Empowerment and the Quest for Emancipation*]. — М.: АО «ВЦИОМ».
- Гофман А.Б. (2008). От какого наследства мы не отказываемся? Социокультурные традиции и инновации в России на рубеже XX—XXI веков. [Gofman A. B. (2008). What inheritance do we not renounce? Sociocultural traditions and innovations in Russia at the turn of the XX and XXI centuries] // *Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики* / Под ред. А.Б. Гофмана. — М.: РОССПЭН. С. 9–62.
- Гудков Л.Д. (2009). Условия воспроизводства «советского человека» [Gudkov L.D. (2009). Conditions for the reproduction of the “Soviet man”] // *Вестник общественного мнения*. № 2. С. 8–37.
- Инглхарт Р. (2018). *Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир* [Inglehart R. (2018). *Cultural Evolution. How Human Motivations Change and How the World Changes*]. — М.: Мысль.
- Инглхарт Р., Вельцель К. (2011). *Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития* [Inglehart R., Welzel C. (2011). *Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence*]. — М.: Новое издательство.
- Капелюшников Р.И. (2023). Концепция культурной эволюции Ф.А.Хайека и эволюционная психология [Kapeliushnikov R.I. (2023). The theory of cultural evolution by F.A. Hayek and evolutionary psychology]. Препринт WP3/2023/05. Серия WP3 Проблемы рынка труда.
- Ларин Н.И. (2021). *Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход* [Larin N.I. (2021). *The Complexity of the Formation of a New Russia. An Anthroposociocultural Approach*]. — М.: Весь Мир.
- Леденева А. (2022). Предисловие [Ledeneva A. (2022). Preface] // Мадьяр Б., Мадлович Б. (2022). *Посткоммунистические режимы. Концептуальная структура*. В 2 т. — М.: Новое литературное обозрение. Т. 1. С. 9–18.
- Мадьяр Б., Мадлович Б. (2022). *Посткоммунистические режимы. Концептуальная структура*. В 2 т. [Magyar B, Madlovics (2022). *The anatomy of post-communist regimes. A conceptual framework*. In 2 v.]. — М.: Новое литературное обозрение.
- Назаретян А.П. (2017). *Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании* [Nazaretyan A.P. (2017). *Non-linear future. Megahistory, synergetics, cultural anthropology and psychology in global forecasting*]. — М.: Аргмак — Медиа.
- Полтерович В.М. (2018a). К общей теории социально-экономического развития. Ч.1. География, институты или культура? [Polterovich V.M. (2018a). Towards a general theory of socio-economic development. Part 1. Geography, institutions or culture?] // *Вопросы экономики*. № 11. С. 5–26.
- Полтерович В.М. (2018b). К общей теории социально-экономического развития. Ч.2. Эволюция механизмов координации [Polterovich V.M. (2018b). Towards a general theory of socio-economic development. Part 2. Evolution of coordination mechanisms] // *Вопросы экономики*. № 12. С. 77–102.
- Российская коррупция: уровень, структура, динамика. Опыт социологического анализа (2013) / Под ред. Г.А.Сатарова [Russian corruption: level, structure, dynamics. Experience of sociological analysis (2013). Ed. by G.A.Satarov]. — М.: Фонд «Либеральная миссия»
- Рубинштейн А.Я. (2008). *Экономика общественных предпочтений. Структура и эволюция социального интереса* [Rubinstein A.Ya. (2008). *Economics of public preferences. Structure and evolution of social interest*]. — СПб.: Алетейя.

- Рубинштейн А.Я. (2024а). *Общая теория опекаемых благ: Учебник* [Rubinstein A. Ya. (2024a). *General Theory of Patronized Goods. Textbook*]. — СПб.: Алетейя.
- Рубинштейн А.Я. (2024б). Социальная организация государства: экономическая теория и социологические измерения [Rubinstein A. Ya. (2024b). *Social organization of the state: The problem of balance*] // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 4. С. 196–217.
- Тощенко Ж.Т. (2020). *Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа)* [Toshchenko Zh. T. (2020). *Trauma society: between evolution and revolution (an experience of theoretical and empirical analysis)*]. — М.: Весь Мир.
- Фридман М. (2006). *Капитализм и свобода* [Friedman M. (2006). *Capitalism and Freedom*]. — М.: Новое издательство.
- Хайек Ф. фон (2024). *Право, законодательство и свобода. Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики* [Hayek F. von (2024). *Law, legislation and liberty. A new statement of the liberal principles of justice and political economy*]. — М., Челябинск: Социум.
- Штомпка П. (2001). Социальное изменение как травма [Sztompka P. (2001). *Social change as trauma*] // *Социологические исследования*. № 1. С. 6–16.
- Эйзенштадт Ш. (2010). Срывы модернизации [Eisenstadt S. (2010). *Modernization Failures*] // *Неприкосновенный запас*. 2010. № 6. С. 42–67.
- Balatsky, E., Yurevich M. (2022). Consistency Principle: Theory and Empirical Evidence // *Foresight and STI Governance*. Vol. 16. No. 3. Pp. 35–48. DOI: 10.17323/2500-2597.2022.3.35.48. (In Russ.)
- Eisenstadt S. (1973). *Tradition, Change and Modernity*. — New York: John Wiley & Sons.
- Eisenstadt S.N. (2003). *The Civilizational Dimension in Sociological Analysis* // *Comparative Civilizations and Multiple Modernities*. Vol. 1. — Brill Academic Pub. Pp. 33–56.
- Hellman J. (1998). *Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transition* // *World Politics*. Vol. 50. No 2. Pp. 203–234.
- Ledeneva A. (2013). *Can Russia Modernise? Sistema, Power? Network and Informal Governanse*. — London: Cambridge University Press.

Плискевич Наталья Михайловна

znplis@yandex.ru

Natalya Pliskevich

senior researcher, Institute of economics of the Russian Academy of sciences (Moscow)

znplis@yandex.ru

THE SPECIFICITY OF RUSSIAN INSTITUTIONS AND STATE PATERNALISM (PART I. THE STATE IN THE NARROW AND BROAD SENSES)

Abstract. The current stage of scientific and technological development makes the factor of compliance with new tasks of the institutional structure of the humanitarian sector of the economy especially significant as the most important in the formation of human capital, meeting not only technological but also social needs of society. Therefore, the role of institutions of state paternalism, designed to support science, education, culture, art, and health care, is increasing. These institutions, as associated with the most advanced spheres of society, on the one hand, are especially sensitive to all newly emerging needs. But on the other hand, they are an integral part of the general institutional structure of the state, individual elements of which may lag in their development and, accordingly, slow down the development of institutions of paternalistic support of the humanitarian sector. Moreover, all processes of institutional changes in Russia are conditioned not only by the technological breakthrough of recent decades, which, as in the cases of previous technological revolutions, leads to a violation of the techno-humanitarian balance of the development of society, undermining stability. The ongoing process of post-socialist transformation also has a significant impact on the specifics of institutional changes, since the length of existence within the framework of the real socialist system has left its mark on the characteristics of social development in such countries. In addition, the transition to the new system itself was traumatic for many citizens. Therefore, the analysis of the evolution of the institutional structure of state paternalism is preceded by a consideration of the technological and social problems facing Russian society at the present stage. No less important is the definition of how to interpret the state in the modern world — in the narrow sense as a system of state authorities standing above society, or in the broad sense as a complex system of organically interconnected components — power, economy and civil society.

Keywords: *institutional system, modern state, state paternalism, post-socialist development, Despotic Leviathan, Absent Leviathan, Tamed Leviathan, patronal autocracy, patronal democracy, subject of social action.*

JEL: A12, A13, B00, B15, B52.